

**ХРОНОТОП В РОМАНЕ Д. БАВИЛЬСКОГО «КРАСНАЯ ТОЧКА»:
ЛОКАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ
CHRONOTOP IN D. BAVILSKY'S NOVEL «THE RED DOT»: LOCAL
SPACE AND HISTORICAL TIME**

Аннотация: Статья посвящена анализу хронотопической организации романа Д. Бавильского «Красная точка» в контексте теоретических разработок М. Бахтина. Исследование выявляет многоуровневую структуру пространственно-временных отношений в произведении, где линейное сюжетное время взросления героя взаимодействует с циклическим временем «провинциального городка» и трансформирующимся историческим временем советской и постсоветской эпох.

Ключевые слова: хронотоп; Д. Бавильский; М. Бахтин; роман; историческое время; советская эпоха.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the chronotopic organization of D. Bavilsky's novel «The Red Dot» in the context of M. Bakhtin's theoretical developments. The study reveals a multi-level structure of spatial and temporal relations in the work, where the linear narrative time of the protagonist's growing up interacts with the cyclical time of the «provincial town» and the transforming historical time of the Soviet and post-Soviet eras.

Keywords: chronotope; D. Bavilsky; M. Bakhtin; novel; historical time; soviet time.

Понятие хронотопа в отечественную науку впервые ввел А. Ухтомский в 1925 году в докладе «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе» [4]. Дальнейшую теоретическую разработку данная категория получила в трудах М. Бахтина, главным образом в «Формах времени и хронотопа в романе» [2]. Идею анализа художественного произведения с позиции хронотопа развивали такие известные ученые, как В. Пропп, Д. Лихачев, Ю. Лотман и др. Сегодня этот подход остаётся востребованным для анализа текстов, где пространственно-временные отношения играют структурообразующую роль.

В современной русской прозе хронотопический анализ особенно продуктивен для авторов, работающих на стыке личного и исторического времени. Роман Д. Бавильского «Красная точка», сочетающий автобиографическую основу с исторической рефлексией, представляет особый интерес для анализа, поскольку хронотоп здесь выполняет не просто фоновую, но ключевую художественную функцию. Автор сознательно делает акцент на взаимодействии вре-

менных и пространственных координат, выдвигая их на первый план в поэтике романа.

Категория времени в «Красной точке» имеет многоуровневую организацию. Если сюжетное время линейно – события взросления героя охватывают два десятилетия и следуют друг за другом, – то художественное время реализовано более сложно, подвержено различным трансформациям. В романе присутствует преамбула, задающая рамочную композицию произведения, где автор-рассказчик повествует о том, как вернулся в родной город для написания своего «opus magnum». Эта преамбула оформляет «время рассказывания» или «время написания» и служит отправной точкой для последующего повествования. После преамбулы начинается основной текст, в котором автор-повествователь рассказывает о взрослении Васи (возможном альтер эго автора), его становлении и трансформациях мира вокруг него.

В рамках повествовательной стратегии наблюдается одновременное существование двух временных пластов. Так, повествователь не просто вспоминает, но и переосмысливает поступки своего юного «я», при этом не отождествляя себя с действующим лицом. Таким образом, перед читателем разворачивается не столько процесс воспроизведения прошлого, сколько смысловая трансформация в настоящем моменте.

Особого внимания заслуживает связь личного времени героя с историческим временем эпохи. На протяжении всего произведения Д. Бавильский создает общее настроение подробнейшим описанием различных локальных явлений советской жизни разных периодов. Под данными явлениями подразумеваются предметы обихода (шоколадка «Пальма», пылесос «Тайфун», радиола «Ригонда», «Жигули», «Икарусы» и пр.), печатная и телевизионная продукция (газета «Правда», журналы «Ровесник», «Веселые картинки», «Новый мир», «Октябрь», «Смена», телепередачи «Будильник» и «Служу Советскому Союзу», «Голубой огонек»), деятели из области эстрады и политики с 80-х гг. по конец 90-х гг. (Л. Брежнев, Ю. Андропов, М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Сахаров, А. Собчак, А. Пугачева, С. Ротару, группа «Рецитал» и пр.), события, имевшие государственное значение (Олимпийские игры 1980 года в Москве, авиакатастрофа ФК «Пахтакор», «перестройка» и пр.).

Изначально пространственная организация в романе выстроена в пределах ограниченного топоса. Весь событийный ряд первой главы («Часть первая. ПЕРВЫЙ ПОДЪЕЗД») преимущественно разворачивается в рамках дома и двора, лишь в отдельных эпизодах происходит выход за эти границы. Такое периферийное бытие коррелирует с хронотопическим мотивом «провинциального городка», разработанным М. Бахтиным в «Формах времени и хронотопа в романе». Исследователь отмечал, что «такой городок – место циклического бытового времени. Время лишено здесь поступательного исторического хода, движется по узким кругам: круг дня, круг недели, круг месяца и т. д.» [2, с. 396].

Мотив пространственной ограниченности получает развитие и на уровне отдельных эпизодов. Некоторые локальные пространства оказывают прямое влияние на внутренний мир главного героя. Так, например, рассказчик сообщает о воздействии выбора тесного помещения местом проведения ритуала: «Не-

большое замкнутое пространство спелёнывает их в единый кокон, который более не разделить, по крайней мере в ближайшее время» [1, с. 105]. Это ощущение сплоченности, созданное замкнутым пространством, становится катализатором для последующих событий романа, взаимодействия героев.

В пространственной организации произведения большую роль играет атрибут высотности. Пространство организуется исходя из принципов семиотической оппозиции «верха» и «низа», в которой «верх» наделен символическими признаками «хороший», «плодородный», «обильный», «священный», а «низ» – такими как «плохой», «неблагополучный», «скудный», «греховный» [3]. Так, неоднократно упоминается, что главный герой живет на первом этаже, в то время как местом социальных взаимодействий с соседками становится пятый этаж. Подобное расположение с позиции семиотики можно интерпретировать как «отрыв» от привычного уклада жизни, и открытие для себя новых граней действительности, имеющее в детской картине мира сакральный характер.

Большой интерес для исследования представляет реализация хронотопа «порога», также разработанного М. Бахтиным. Данную пространственно-временную структуру в «Красной точке» наглядно демонстрирует следующий фрагмент: *«Вася стоит на площадке пятого этажа (выше некуда), ждёт перед дверью, пока Лена появится, в щель сквозняком из квартиры тянут таинственные запахи чужого существования»* [1, с. 59]. Пятый этаж, как предельная точка пространства, предопределяет готовность героя к трансформационным процессам, в то время как дверь становится не просто физическим, но символическим барьером между «своим» и «чужим», «знакомым» и «неизведанным», предвещающая ситуацию кризиса и потенциального внутреннего обновления.

По ходу развития сюжета в романе происходит расширение пространственно-временных координат. В первой главе («Часть первая. ПЕРВЫЙ ПОДЪЕЗД») произведения, действие фактически ограничивается пределами двора, что идейно соотносится с ранним возрастом героя и «застойным» периодом советской действительности. Окончание школы главным героем совпадает с началом эпохи «перестройки», что отражается на характере перемещений Васи – движение, ранее ограниченное вертикальной осью, обретает горизонтальную направленность. В тексте романа данная концепция получает прямое выражение в одном из лирических отступлений повествователя: *«Отрочество – это и есть выход из “мест общего обитания” на территорию неповторимой судьбы»* [1, с. 214].

Эпоха «перестройки» показывает глубину социальной трансформации: у главного героя, равно как и у всего населения Советского Союза и Челябинска в целом, появляются возможности для освоения действительности на качественно новом уровне. Данные возможности в широком смысле показываются Д. Бавильским на примере карьерных успехов и неудач персонажей второго плана, в узком – в открытии новых мест города главным героем.

По мере приближения к «лихим» 90-м, Вася Бочков всё дальше отдаляется от родного дома, покидает пределы Челябинска впервые с начала произведения (корректно будет заметить, что в тексте отмечается нахождение героя за пределами города, например, в пионерском лагере на озере Кисегач, однако данный

факт приводится без подробностей). В последней главе («Часть третья. КРАСНАЯ ТОЧКА») романа Вася в составе творческого коллектива театра «Полет» отправляется в «турне» по Челябинской области, а в дальнейшем – в Москву. Интересно, что Москва становится местом встречи и, одновременно, прощания с одним из главных персонажей текста – Инной Бендер. В связи с этим выход за пределы привычного пространственного контекста – тенденция ускорившегося под влиянием политических процессов времени, характерная не только для главного героя, но для его ближайшего круга, а концептуально – для общества в целом. Это позволяет утверждать, что историческое время выступает в роли структурообразующего элемента, посредством которого автор исследует влияние социокультурных изменений на формирование индивидуальной идентичности.

Таким образом, в романе Д. Бавильского «Красная точка» пространственно-временная организация выполняет важнейшую смыслообразующую функцию – она становится ключевым инструментом развития главного героя. Вместе с тем, через взаимодействие временных пластов (линейного, циклического, исторического) и многослойной пространственной структуры писатель демонстрирует, как глобальные исторические изменения преломляются в индивидуальном опыте.

Библиографический список

1. Бавильский, Д. В. Красная точка / Д. В. Бавильский. – М. : Эксмо, 2020. – 413 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 506 с.
3. Сабурова, Н. А. Семиотическая оппозиция «Верх / низ» в образном основании русских фразеологизмов / Н. А. Сабурова // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2016. – № 2 (23). – С. 29–40
4. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский ; под ред. Е. Строгановой. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.